

2. Tregubov V. N. *Funktsionalnoe obespechenie sinkhronizatsii v logisticheskikh sistemakh obshchestvennogo transporta* [Functional synchronization in logistics systems of public passenger transport]. St. Petersburg, 2011.

3. Troitskaya N. A. *Edinaya transportnaya sistema* [Integrated transport system]. Moscow, Akademiya Publ., 2004.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Михайлова Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elmikh@mail.ru

Региональная политическая элита включает представителей управляющего класса, осуществляющих политические функции в регионе через занятие руководящих постов в органах государственной власти, активность в политических партиях, общественных организациях. Специфика региональных элит зависит от уровня социально-экономического развития региона, этнической структуры и местных социально-культурных особенностей. Социальные противоречия региона могут находить свое выражение в националистических движениях. Этнонациональные движения могут декларировать самые разные цели (например, формирование новой идентичности, попытки реконструкции старой). На общенациональном уровне подобные идеи оказываются понятны только этнической элите, в рамках региональных сообществ активность этнических предпринимателей может реализовываться как политический ресурс. На региональном уровне этничность выступает как политический ресурс и как инструмент политической мобилизации, так как может выступить основой идеологии и регионалистских движений. Однако участие в националистических движениях не является эффективным каналом прямого кооптирования в региональные элиты. В рамках правового оформления федерального устройства РФ прослеживается общий тренд деполитизации этничности. Собственно этнонационалистический дискурс в регионах замещен социальными требованиями защиты экономических интересов населения. В то же время социальное неравенство в политической сфере воспринимается общественным сознанием как проблема. В качестве важного фактора внутренней политики Юга России выступает активная миграция из Северо-Кавказского региона. Возможен экспорт особенностей политической культуры и механизмов формирования региональной политической элиты, выражаемых через понятия архаизации. В перспективе это создает риск повышения межэтнической напряженности.

Ключевые слова: регион, этничность, региональные политические элиты, политическая элита, архаизация, федерализация, социальная структура, миграция, клан

THE PROCESSES OF POLITICAL ELITES FORMATION IN POLYETHNIC REGIONS OF RUSSIA

Mikhailova Yelena A., Ph.D. (Sociology), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishchev Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: elmikh@mail.ru

The regional political elite includes representatives of the ruling class, performing political functions in the region through holding senior positions in government bodies, activity in political parties, and public organizations. Specificity of regional elites depends on the level of social and economic development of the region, ethnic structure and local socio-cultural characteristics. The social contradictions of the region can be expressed in nationalist movements. Ethnonational movements can declare a variety of goals (for example, the formation of a new identity, attempts to reconstruct the old one). At a national level, such ideas are only understood by the ethnic elite, within the framework of regional communities, the activity of ethnic entrepreneurs can be realized as a political resource. At the regional level, ethnicity acts both as a political resource and an instrument of political mobilization, as it can

serve as the basis for ideology and regionalist movements. However, participation in nationalist movements is not an effective channel for direct co-optation into regional elites. Within the legal framework of the federal structure of the Russian Federation, the general trend of depoliticization of ethnicity is traced. In fact, ethno-nationalist discourse itself in the regions is replaced by social demands for protecting the economic interests of the population. At the same time, social inequality in the political sphere is treated by the public consciousness as a problem. Active migration from the North Caucasus region is an important factor in the internal policy of the South of Russia. Export of features of political culture and mechanisms of formation of the regional political elite, expressed through concepts of archaization, is possible. In the future, it creates a risk of increasing inter-ethnic tensions.

Keywords: region, ethnicity, regional political elites, political elite, archaization, federalization, social structure, migration, clan

Региональная политическая элита включает представителей управляющего класса, осуществляющих политические функции в регионе через занятие руководящих постов в органах государственной власти, активность в политических партиях и общественных организациях.

Современное российское общество отличается особенностью, которая может описываться через политологические, социологические и экономические категории. Но во всех случаях будет делаться заключение не только о высокой степени гетерогенности (что само по себе свидетельствует о развитии в направлении усложнения), но и о снижающейся интеграции и возрастающей фрагментированности российского общества. Это может проявляться через культурные, религиозные и этнические различия, особенности экономических и социальных отношений, а также специфику политической культуры в различных регионах страны либо сегментах российского общества.

По сути, уровень социально-исторического развития и социальное время могут развиваться как социетально-синхронно, так и социально-диахронно [8, с. 400].

На основании особенностей социально-экономического развития как дифференцирующего признака, российские регионы разделяются на несколько групп.

Первая группа – интегрированные в современную глобальную экономику высокоурбанизированные регионы. Население представлено автономными индивидами с высокой гражданской активностью. Доминирует гражданская идентичность. Религия и традиции не выступают регулятором повседневной жизни. Проявления традиционной власти возможны только в этнических анклавах.

Вторая группа – слабоинтегрированные в современную глобальную экономику урбанизированные регионы, с сельскохозяйственным сектором в региональной экономике. Население с низкой гражданской активностью почти не ориентируется на традиционные нормы, иерархии и религию.

Третья группа регионов – неинтегрированные в современную глобальную экономику регионы с низкой урбанизацией. Социальные структуры основываются на племенных и клановых связях, политические структуры могут представлять собой племенное вождество и племенную демократию, доминирует локальная идентичность. Социальная регуляция осуществляется на основе традиций, обычаев и религии, при формальном действии законов [8, с. 400–402].

Неоднородность социально-экономического и политического развития регионов порождает комплекс социальных противоречий, которые в полиэтническом социуме находят свое выражение в том числе в националистических движениях.

Выделяются две основные формы национализма в РФ, условно обозначаемые как «русский» и «нерусский». «Русский» является в первую очередь идеей обеспечения участия условного русского большинства в решении общественно-политических задач страны. В нем можно (впрочем, достаточно нечетко), выделить умеренное и доходящее до экстремизма крыло. Условный «нерусский» получает естественное развитие в регионах, основанных на национально-территориальном принципе, а в последнее время и в увеличивающихся диаспорах в центральных регионах России. В нем также существуют два крыла. Отмечается, что умеренный извод

условного «нерусского» национализма чаще всего поддерживается и направляется местной республиканской властью, но не имеет сепаратистских целей, а иногда приобретает даже полиэтничный характер [11, с. 37].

Надо отметить, что участие в националистических движениях в настоящий момент не представляется эффективным каналом прямого кооптирования в региональные элиты. Это можно связать с двумя факторами: правовым – запретом на формирование политических партий по национальному принципу и жесткой позицией российской власти по недопущению (либо пресечению) массовых акций националистов.

Серьезный риск представляет экстремистский извод национализма. Но его можно рассматривать как канал социальной мобильности только в экстремальных условиях бездеятельности политических институтов и прорыва политической (в том числе националистической) активности за границы существующего правового поля.

В рамках правового оформления федеративного устройства РФ прослеживается общий тренд деполитизации этничности и отход от принципа «этнического федерализма».

В 1993 г. в Конституции РФ в названиях республик перестали использовать слово «национальная». Затем в следующее десятилетие постановления Конституционного суда отменили декларированный суверенитет республик, а конституции были приняты от имени всех граждан. Президенты республик стали главами. Произошла отмена обязательного национального компонента в образовательных программах.

Общее укрепление вертикали власти в последние полтора десятилетия не вызвало отрицательной реакции местного населения. Это в целом может быть связано с тем, что превалирование этнических компонентов в государственности не привело к улучшению повседневной жизни людей.

С другой стороны, сверхцентрализация (особенно в сфере бюджетных отношений), по сути, привела к имитационному характеру современного российского федерализма [6, с. 430–442].

В национальных республиках идеи сначала суверенитета в начале 1990-х, затем федерализма были органично связаны с интересами местных бюрократов и крупных предпринимателей (олигархов), реализующих таким образом доступ к власти. Однако эти идеи были сформулированы, разработаны и реализованы на практике местной интеллигенцией и теми группами, которые обычно называют «этническими предпринимателями», а мобилизация общественного мнения стала возможна только при условии отражения интересов широких слоев населения.

В начале XXI в. региональная элита естественным образом несет перед населением ответственность за проблемы с реализацией социальных гарантий населению. Они каждодневно ощущают взаимосвязанность хозяйства республик с банковскими олигархами, с промышленностью других территорий Федерации. Поэтому именно этой элите более всего приходится нести ответственность за диссонанс между провозглашавшимися ранее обещаниями и существующей реальностью. Как следствие, элита в республиках с начала 2000-х гг. сменила этнонационалистический дискурс на социальные требования защиты экономических интересов населения [5, с. 175].

В полиэтничных регионах особое значение приобретают вопросы социального неравенства этнических групп, в первую очередь проблемы участия в политике и власти.

Исследования показывают, что у этнической группы русских статус практически во всех полиэтничных регионах существенно не изменился, в тоже время для титульных национальностей характерно повышение группового социального статуса за счет особенностей внутригрупповых клановых отношений. Позиции группы оказываются связанными не столько с политикой государства, сколько с рыночной конкуренцией и особенностями культуры группы. Ценности и нормы группы определяют функционирование социальных институтов и социальное развитие группы. Отмечается, что в представлениях о богатстве, доступе к власти, престиже этнических групп во всех регионах с титульной этнической группой эти группы наделяются

преимуществами. Прежде всего, явно выражено доминирование в республиканских органах власти представителей титульной национальности. В республиках русские при декларированных демократических процедурах выборов не получают достаточного представительства. Повсеместно именно политическая сфера представляет собой то пространство, в котором русские в республиках, с одной стороны, а титульные национальности в Федерации, с другой стороны, ощущают неравенство как осознаваемую проблему [7, с. 239].

Особую роль в таком случае приобретают этнонациональные движения, которые могут декларировать самые разные цели.

Одной из них может быть формирование некоей новой идентичности, либо попытки реконструировать старую. В настоящее время мы наблюдаем несколько таких (например, «Русский мир», «Финно-угорский мир»). Последний представляется даже более интересным, поскольку не включен в орбиту внешней политики.

Идеология этнонационального движения финно-угров декларирует формирование новой идентичности – «Финно-угорского мира». Однако при всей общепризнанности перекоса российского федерализма, идеология данного этнонационального движения концентрируется на социально-культурной составляющей, и внятно не определяет политические интересы в сфере реформирования российского федерализма.

По сути, этнонациональные организации принимают довольно слабое участие в официальной политической жизни.

Незначительность политической роли этнонациональных движений в регионах, тем не менее, заставляет обратить внимание на следующий дополнительный аспект. Развитие подобных контактов между родственными по языку и культуре народами естественно дополняют экономические, политические и территориальные связи, и способствует укреплению вертикальных и горизонтальных связей внутри государства [14, с. 305–309].

Широкие идентичности, выходящие за пределы одной этнической группы, как показывает практика, массовой поддержки на общенациональном уровне не получают. Связывается это с тем обстоятельством, что подобные идеи оказываются понятны только узкому слою этнической элиты. Однако в рамках региональных сообществ активность этнических предпринимателей может реализовываться как политический ресурс.

Таким образом, этничность выступает как политический ресурс и как инструмент политической мобилизации, и именно на региональном уровне это особенно выражено.

Связано это с тем, что «идеология регионализма, регионалистские движения могут с успехом трансформироваться в идеологию этнического национализма и этнические движения» [16, с. 132]. В российском случае такое происходит с казачьим движением, которое из регионального, основанного на традициях сословной группы столетней давности, к настоящему времени окончательно трансформировалось в этническое (что нашло отражение в том числе и во Всероссийских переписях населения 2002 и 2010 гг.).

Аналогичные процессы наблюдаются и в связи с трансформацией сибирского регионального движения и регионального наименования «сибиряк». В Новосибирске создана Сибирская национально-культурная автономия.

На начальном этапе регионального движения российские регионалистские движения («Тверской край», Сибирская партия, «Поморское возрождение» и т.д.) сосредоточились на изменении статуса территорий и взаимоотношений с федеральным центром, расширении полномочий региональной власти. Возникали даже идеи создания республик (Уральской, Вологодской, Поморской) даже без исторических прецедентов вроде Дальневосточной республики.

В последующем эти движения приобрели характер не столько этнический, сколько именно регионалистский, так как сосредоточились на вопросах защиты

местных интересов, особенно сельского населения, экологических проблемах, и сохранении местной культурной самобытности [16, с. 126–139].

В то же время, если местные власти используют мобилизационный ресурс этнонационалистических движений, это может привести к формированию и развитию регионалистских идей.

В регионах в настоящее время региональные движения не пользуются широкой общественной поддержкой, с властью находятся либо в подчиненном положении, либо в противостоянии. Это если не маргинальная ситуация, то политическая периферия. Но в связи с ухудшением социально-экономической ситуации неизбежно изменение политических интересов населения в сторону сосредоточения на местных проблемах. Это может привести к повышению роли локальных этнических и региональных организаций и движений.

Чтобы они не представляли сепаратистской угрозы, необходимо создать условия для их включения в официальное политическое поле. В том числе и как еще один канал социальной мобильности и кооптации региональной политической элиты.

В происходящих в современной России этнополитических процессах Северный Кавказ играет очень важную, едва ли не ключевую роль.

Особенность Северного Кавказа состоит в том, что в республиках в разной степени реализуется принцип этнического представительства в сфере управления. Современная смешанная система выборов позволяет отразить этнический состав населения в республиканских органах власти.

Практика последних 20 лет показывает, что этническое представительство может реализоваться в рамках самых разных избирательных систем и меняться в рамках одной и той же системы.

Переход к формированию Государственной Думы РФ по партийным спискам вызывал сомнения в возможности сохранения пропорционального этнического представительства. При всех изменениях электорального законодательства последних двух десятилетий постоянно возникали опасения «этнизации» политических партий. Однако практика показала, что, например, партийные фракции в Народном собрании Дагестана остаются полиэтничными.

Принцип этнического представительства позволяет снизить напряженность между этническими группами и между населением и властью, хотя и не воспринимается как панацея [12, с. 83–89].

В отношении социально-экономического и политического развития Северного Кавказа даются в настоящее время пессимистичные оценки. Отмечается, что попытки реорганизации управления этим макрорегионом (включая перераспределение функций между министерствами и полпредством, ротация кадров среди высшего руководства, замена «менеджеров» на «силовиков» и т.д.) по существу не приводят к качественным изменениям в экономике и социально-политической сфере. Сложность видится в отсутствии условий для бизнес-инвестиций в регион с нестабильной политической ситуацией, в общем возрастании автаркичности региона, и в фактическом переходе к инерционному сценарию, консервирующему специфические местные проблемы. Надо отметить, впрочем, что последние – к ним относятся терроризм, религиозный экстремизм и межэтническая напряженность – за несколько лет тем не менее стабилизировались за счет эффективных действий силовых структур [16, с. 92–99].

В качестве факторов эскалации этнополитической напряженности в северокавказском регионе признаются коррупция, и ухудшение социально-экономического положения основной части населения, что будет проецироваться в сферу межэтнических отношений, вызывая политизацию действий лидеров этнических общин и радикализацию религиозной жизни. Отдельная сложность – это особенности формирования местных акторов политического участия и функционирования региональных институтов управления. Таким образом, особая задача заключается в укреплении и развитии общегражданских элементов российского общества в Северо-Кавказском

регионе, их интеграции на основе общих ценностей и с опорой на местные этнокультурные и конфессиональные организации [16, с. 98–99].

Северо-Кавказский регион является одним из основных факторов внутренней российской миграции. Следовательно, при увеличении этнических общин выходцев из Северного Кавказа возможен экспорт особенностей политической культуры, несвойственных для других регионов страны.

В качестве особенно негативных тенденций отмечается социокультурный раскол и общее отчуждение между регионами с преимущественно русским населением и республиками Северного Кавказа [2, с. 84–90].

Основным процессом в политической сфере северокавказских обществ является архаизация политической культуры.

Факторы данного процесса: социально-демографические (высокая рождаемость среди коренного, продолжающийся отток русского и русскоязычного населения), социально-экономические (соответствующий домодерному периоду низкий уровень модернизации, преобладание аграрного сектора, высокий уровень безработицы), этнополитические (межнациональные конфликты), идеологические (ценностный и идеологический вакуум) [3, с. 96–100].

Существовавшая издревле этническая и клановая принадлежность приобрела в постсоветский период новое значение. Родовые и клановые структуры трансформировались в механизм политической жизни Северного Кавказа. Традиционные адаты (системы социальных норм) вернулись как механизм регуляции современного сообщества [4, с. 293–300].

В постсоветские десятилетия общество Северного Кавказа прошло процесс модернизации, когда советские модернистские политические и правовые институты замещались традиционалистскими архаическими формами социальной регуляции. «Политический и правовой вакуум естественным образом заполнился альтернативными проектами общественной интеграции и контроля, которые в условиях Кавказа могли быть только традиционалистскими» [2, с. 84–85].

В настоящий момент ситуация в регионе характеризуется политической раздробленностью, соперничеством и борьбой этнических элит, упадком централизованной системы управления.

На межнациональные отношения в северокавказском регионе архаизация политической культуры оказывает сугубо негативное влияние, способствуя дальнейшему усугублению межэтнической напряженности, росту этнонационалистических настроений.

В условиях незавершённой модернизации и обратной демодернизации на Северном Кавказе наблюдается политизация этничности.

Специфика местного способа формирования политических элит заключается в том, что там, по сути, доведены до логического конца общие для современной России принципы ресурсного государства и редистрибутивной (раздаточной) экономики. Социально-политическая сфера функционирует через административно-распределительные структуры.

Ресурсное государство сначала централизованно концентрирует ресурсы, а потом распределяет их между крупными социальными субъектами (кланами), которые продолжают процесс распределения благ по следующим уровням управленческой иерархии вплоть до собственно населения.

В целом по России схемы перераспределения ресурсов (почти преимущественно бюджетных) могут работать только в рамках статусной дифференциации, включающей коллективных политических субъектов.

В таком случае политический процесс представляет собой борьбу за статусы, дающие доступ к ресурсам. За источники дохода конкурируют не индивиды, наделенные гражданскими правами и участвующие в политическом процессе, а коллективные субъекты, распределяющие бюджетные потоки.

В случае Северного Кавказа в качестве таких субъектов выступают этнические кланы. Явление это вовсе не тождественно общинным и клановым объединениям XIX в. В современные северокавказские кланы, выполняющие функции своеобразных «партий», могут входить представители разных этнических групп.

С одной стороны, это явно архаичная политическая структура, порождающая ряд проблем. К ним можно отнести силовое принуждение, использование репрессивного аппарата на неправовой основе, размывание исключительного права государства на легитимное насилие, децентрализация политического субъекта. Уже возникла явная опасность транзита подобных политических практик в другие российские регионы.

С другой стороны, этнократическая социальная структура является главным механизмом социального контроля и распределения благ, а федеральный центр, пытаясь ее демонтировать, альтернативы, похоже, не имеет.

В отличие от Северного Кавказа в центральной, условно «русской» России, политическая конкуренция и борьба за ресурсы ведется не только между коллективными субъектами (далеко не всегда этническими, чаще корпоративными), но и между атомизированными индивидами, не имеющими поддержки со стороны этнической, клановой и т.д. группы.

В результате подобная компенсация и поддержка группы мигрантов из республик Северного Кавказа обеспечивает им определенное превосходство в сфере экономики (точнее распределения благ) и служит основой их этнической мобилизации. Это, в свою очередь, является самостоятельным конфликтогенным фактором в регионах.

Насколько группы недавних мигрантов выступают в регионах в качестве коллективного субъекта политического действия и насколько принадлежность к диаспоре способствует кооптации в региональную политическую элиту – вопрос особый, требующий изучения в конкретных регионах.

В Астраханской области этнополитические процессы находятся под воздействием не только общих процессов социально-экономического и политического развития страны, но и местных социокультурных и социально-демографических факторов.

С начала 1990-х гг. этническая миграция и этнодемографические процессы неуклонно изменяют этническую структуру региона. Так, с 1970 по 2010 г. доля русских в составе населения снизилась с 75,5 до 67,6 %. Второе место по численности в области занимают казахи, доля которых в результате более высокой рождаемости выросла с 11,14 до 16,3 %. За счет миграционного прироста значительно увеличилась численность армян, азербайджанцев, чеченцев и представителей народов Дагестана. Данные переписей, впрочем, не позволяют с точностью судить о численности общин в Астраханской области (эксперты, как правило, называют цифры, превышающие официальные в несколько раз).

В советский период этнические различия во включенности в систему политической власти и управления отражали общий уровень вовлеченности групп в урбанизационные и индустриальные процессы. В сфере власти и управления доминировали русские, но доля представителей других этнических групп (например, казахов) среди руководителей органов государственного управления, партийных и общественных организаций и их структурных подразделений среди сельского населения была выше.

Тогда же наметилась тенденция сокращения среди руководителей русских, и увеличения доли представителей других этнических групп, прежде всего татар и казахов, что было вызвано повышением их образовательных характеристик [10, с. 100–106].

Одним из механизмов выражения этнополитической активности являются общественные движения и организации. Субъектами мобилизации этничности групп региона выступают руководители этнокультурных сообществ региона [9, с. 143]. С середины 1990-х гг. областные национально-культурные общества занимаются исключительно культурно-просветительской деятельностью, исключив политиче-

скую составляющую из своей деятельности. Относительно немногочисленное астраханское казачество, в отличие от других регионов Юга России, также не ставит перед собой политических задач, ограничиваясь культурной и правоохранительной деятельностью.

Современное соотношение представителей этнических групп в органах государственной и муниципальной власти отражает объективно сохраняющиеся различия в образовательном уровне и социально-культурном развитии. Назначение на высокие должности в исполнительных органах власти, либо избрание депутатами законодательного органа связано в первую очередь социально-профессиональными характеристиками, принадлежностью к партии или общественной организации.

В качестве примера можно привести динамику состава депутатского корпуса областного законодательного органа, в котором доли представителей разных этнических групп подвержены колебаниям от выборов к выборам, а в избирательных округах с доминирующим казахским населением зачастую избираются депутаты других национальностей.

Справедливо отмечается, что именно муниципальный уровень является начальной ступенью в селекции политико-административной элиты региона [13, с. 66]. Здесь необходимо отметить, что в сельской местности с компактным проживанием казахского населения на уровне выборов должностных лиц муниципальных образований (сельсоветов) отмечались случаи выдвижения кандидатов от местных казахских родов. Таким образом, в ряде случаев в предвыборную борьбу вступают не столько кандидаты, сколько кровнородственные группы. Причина этого видится в особенностях социальной структуры местного казахского населения, сохранении элементов потестарных отношений. Данный вопрос, впрочем, требует специального исследования.

Таким образом, формирование региональной политической элиты Астраханского региона напрямую не испытывает воздействия этнического фактора.

Однако в последние годы в этнической структуре области возросла доля позднeperеселенческих этнических групп (преимущественно из кавказского региона), что неизбежно должно привести к их участию в региональных политических процессах в той или иной форме. Например, с конца 1990-х гг. в состав областного законодательного органа избираются представители народов Северного Кавказа, постоянно проживающие в Астраханской области.

Участие в работе органов власти воспринимается не столько как индивидуальная карьера, сколько как развитие группового ресурса. В качестве примера можно привести выдержку из материала Алихана Динаева в общественно-политическом издании Грозненской городской газете «Столица плюс», в котором рассматриваются различные аспекты жизни представителей чеченской диаспоры в Астраханской области и их роль в жизни местного общества: «...в регионе проживает примерно 22 тысячи чеченцев, большая часть которых занята в сельском хозяйстве... из нашей республики в университетах областного центра обучаются почти полторы тысячи студентов... Чеченцы, живущие в области, чувствуют внимание со стороны Главы Чечни и правительства республики... Немало чеченцев работают в правоохранительных органах. Даже в составе городской думы есть наш земляк – Хамзат Даудов... осенью сразу трое чеченцев будут баллотироваться в областную Думу от разных политических партий» [15].

Таким образом, процессы этнодемографической миграции не просто меняют этническую структуру населения области. Могут произойти изменения в местной политической культуре и практиках в сфере политики, в том числе в механизмах формирования политической элиты.

Список литературы

1. Авксентьев В. А. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 92–99.
2. Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях / отв. ред. проф. Н. П. Медведев. – Ставрополь : СКФУ, 2015. – 167 с.
3. Гаджиев М. М. Основные факторы архаизации политической культуры и межнациональные отношения в республиках Северного Кавказа / М. М. Гаджиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2 (47). – С. 96–100.
4. Гозгешева С. М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе / С. М. Гозгешева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 293–300.
5. Дробижина Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижина. – Москва : Центр общечеловеческих ценностей. – 2003. – 376 с.
6. Дробижина Л. М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики / Л. М. Дробижина // Вестник Института социологии. – Декабрь 2010. – № 1. – С. 430–442.
7. Дробижина Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л. М. Дробижина. – Москва : Новый хронограф, 2013. – 336 с.
8. Дука А. В. Власть между традиционностью и современностью (Элиты российской периферии) / А. В. Дука // Власть и элиты. – 2014. – Т. 1. – С. 399–436.
9. Идрисов Э. Ш. Лидерство в этнокультурной среде: попытка типологического и функционального анализа (на примере Астраханской области) / Э. Ш. Идрисов // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – Астрахань, 2013. – С. 143–153.
10. Михайлова Е. А. Этнические стереотипы в системе этносоциальной стратификации Астраханской области / Е. А. Михайлова – Санкт-Петербург : СПбГУСЭ, 2011. – 186 с.
11. Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий / под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семенов. – Москва : ИМЭМО РАН, 2013. – 119 с.
12. Салгириев А. Р. Структура политической элиты в полиэтничных республиках Северного Кавказа / А. Р. Салгириев // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2015. – № 2. – С. 83–89.
13. Усманов Р. Х. Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (элитологический анализ) / Р. Х. Усманов, П. Л. Карабуценко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 4 (59).
14. Чарина А. М. Роль этнического фактора в развитии политической элиты регионов России (на примере «Финно-угорского мира») / А. М. Чарина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 305–309.
15. Чеченцы в Астрахани // Столица Плюс. – 29.04.2016г. – № 16. – Режим доступа: <http://www.stolicaplus.ru/obshchestvo/5244-chechentsy-v-astrakhani.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
16. Шаббаев Ю. П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики / Ю. П. Шаббаев, А. П. Садохин // ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8, № 2. – С. 126–149.

References

1. Avksentev V. A., Gritsenko G. D. Etnopoliticheskaya situatsiya na Severnom Kavkaze: ekspertnaya otsenka [Ethnopolitical situation in the North Caucasus: expert assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2016, no. 1, pp. 92–99.
2. *Bezopasnost v Severo-Kavkazskom federalnom okruge v sovremennykh usloviyakh* [Safety in the North Caucasus Federal District in the Modern Conditions]. Ed. by N. P. Medvedev. Stavropol, North-Caucasian Federal University Publ., 2015, 167 p.
3. Gadzhiev M. M. Osnovnye faktory arhaizatsii politicheskoy kultury i mezhnatsionalnye otnosheniya v respublikakh Severnogo Kavkaza [The main factors of the archaization of political culture and interethnic relations in the republics of the North Caucasus]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2016, no. 2 (47), pp. 96–100.

4. Gozgesheva S. M. Fenomen traditsionnykh institutov obychnogo prava (adata) i musulmanskogo (shariata) na Severnom Kavkaze [The phenomenon of traditional institutions of customary law (adat) and Muslim (Sharia) in the North Caucasus]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adyghe State University]. 2011, no. 3, pp. 293–300.

5. Drobizheva L. M. *Sotsialnye problemy mezhnatsionalnykh otnosheniy v postsovetskoj Rossii* [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. Moscow, Center of public values Publ., 2003, 376 p.

6. Drobizheva L. M. Etnichnost v sovremennom obschestve: novye podkhody, starye mify, sotsialnye praktiki [Ethnicity in modern society: new approaches, old myths, social practices]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], December 2010, no. 1, pp. 430–442.

7. Drobizheva L. M. *Etnichnost v sotsialno-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience 20 years.]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2013, 336 p.

8. Duka A. V. Vlast mezhdru traditsionnostyu i sovremennostyu (Elity rossiyskoy periferii) [The power between tradition and modernity (Elites of the Russian periphery)]. *Vlast i elity* [Power and Elites], 2014, vol. 1, pp. 399–436.

9. Idrisov E. Sh. Liderstvo v etnokulturnoy srede: popytka tipologicheskogo i funktsionalnogo analiza (na primere Astraxanskoy oblasti) [The power between tradition and modernity (Elites of the Russian periphery)]. *Voprosy elitologii: filosofiya, kultura, politika* [Elitology Issues: Philosophy, Culture, Politics]. Astrakhan, 2013, pp. 143–153.

10. Mikhaylova E. A. *Etnicheskie stereotipy v sisteme etnosotsialnoy stratifikatsii Astrahanskoy oblasti* [Ethnic stereotypes in the system of ethno-social stratification of the Astrakhan region]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Service and Economics Publ., 2011, 186 p.

11. *Novye faktory globalnogo i regionalnogo razvitiya: obostrenie etnosotsiokulturnykh protivorechiy* [New factors of global and regional development: aggravation of ethno-sociocultural contradictions]. Moscow, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, 119 p.

12. Salgiriev A. R. Struktura politicheskoy elity v polietnichnykh respublikakh Severnogo Kavkaza [Structure of political elite in polyethnic republics of the North Caucasus]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Politologiya"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Politology"], 2015, no. 2, pp. 83–89.

13. Usmanov R. Kh., Karabuschenko P. L. Vliyanie etnopoliticheskikh protsessov na sovremennye reformy mestnogo samoupravleniya (elitologicheskii analiz) [The influence of ethno-political processes on modern reforms of local self-government (elitological analysis)]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management], 2015, no. 4 (59).

14. Charina A. M. Rol etnicheskogo faktora v razvitiy politicheskoy elity regionov Rossii (na primere "Finno-ugorskogo mira") [The role of the ethnic factor in the development of the political elite of Russian regions]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestiya of the Russian State Pedagogical University A.I. Herzen], 2009, no. 111, pp. 305–309.

15. Chechentsy v Astrahani [Chechens in Astrakhan]. Available at: <http://www.stolicaplus.ru/obshchestvo/5244-chechentsy-v-astrakhani.htm>.

16. Shabaev Yu. P., Cadohin A. P. Regionalizm i etnichnost v prostranstve publichnoy politiki: ideologii i politicheskie praktiki [Regionalism and ethnicity in the space of public policy: ideologies and political practices]. *POLITEKS*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 126–149.